

На правах рукописи

Мухачева Екатерина Сергеевна

**НЕВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА
В РОССИЙСКОМ, ЕВРОПЕЙСКОМ И ЕДИНООБРАЗНОМ
ЧАСТНОМ ПРАВЕ**

12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право,
международное частное право

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Томск – 2013

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», на кафедре гражданского права.

Научный руководитель: доктор юридических наук
Тузов Даниил Олегович

Официальные оппоненты:

Кузьмина Ирина Дмитриевна, доктор юридических наук, доцент, Кемеровский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный торгово-экономический университет», кафедра гражданского права и процесса, заведующая кафедрой

Кресс Вячеслав Викторович, кандидат юридических наук, Федеральный арбитражный суд Дальневосточного округа (г. Хабаровск), председатель суда

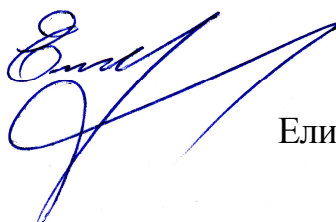
Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

Защита состоится 17 декабря 2013 года в 12 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.267.02, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 4, ауд. 111).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан 15 ноября 2013 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор

Елисеев Сергей Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Невозможность исполнения обязательства как обстоятельство, препятствующее исполнению последнего и, следовательно, достижению его цели, состоящей в перемещении имущественных благ между субъектами гражданского оборота, является важной категорией гражданского права, точкой соприкосновения таких его институтов, как исполнение обязательства, гражданско-правовая ответственность, непреодолимая сила, недействительность сделки, распределение договорных рисков, несостоятельность (банкротство). Несмотря на это (а возможно, именно в связи с этим), в отечественной науке гражданского права она обычно рассматривается попутно с исследованием указанных правовых институтов и редко становится предметом специального глубокого изучения. В настоящее время можно наблюдать некоторое оживление интереса отечественной цивилистики к рассматриваемому правовому институту, однако следует констатировать, что последний исследуется лишь в отдельных статьях, параграфах учебников, диссертаций и монографий, посвященных смежным правовым институтам, хотя давно назрела потребность в его специальном монографическом исследовании.

Следствием слабой доктринальной разработки проблем невозможности исполнения обязательства является недостаточное, а подчас и противоречивое регулирование российским гражданским законодательством соответствующих отношений. На практике это приводит к тому, что правоприменительные органы сталкиваются с трудностями при отграничении невозможности исполнения обязательства от смежных правовых категорий (прежде всего от затруднительности исполнения), при установлении наличия невозможности исполнения в конкретных обстоятельствах и определении ее правовых последствий. Несформированность и противоречивость судебной практики негативно влияет на гражданский оборот.

Текущая реформа гражданского законодательства России затрагивает в том числе нормы Гражданского кодекса (далее ГК), посвященные невозможности исполнения обязательства. В современную эпоху глобализации реформирование этого института должно проходить с учетом опыта и актуальных тенденций регулирования соответствующих отношений законодательством стран континентальной и англо-саксонской правовых семей, а также единообразным правом.

Институт невозможности исполнения обязательства, как и абсолютное большинство гражданско-правовых институтов, изначально был разработан европейской (прежде всего немецкой) цивилистикой. Относительно недавно (1990-е гг. – начало 2000-х гг.) в немецком обязательственном праве он претерпел существенную реформу. Этому способствовали акты единообразного права, послужившие проводником рецепции континентальной правовой традицией

некоторых нормативных решений англо-саксонского права. Последствия такого проявления процесса глобализации еще в полной мере не оценены, поэтому прежде чем предлагать то или иное направление реформирования института невозможности исполнения в российском гражданском праве, необходимы тщательный анализ регулирования соответствующих отношений в разных правовых порядках, оценка их достоинств, недостатков и перспектив возможного восприятия в российской правовой системе. Такой подход позволит разработать рекомендации по совершенствованию российского гражданского законодательства не только соответствующие наиболее актуальным тенденциям регулирования соответствующих отношений, но и адекватные российским реалиям.

Степень разработанности темы диссертационного исследования. Изучение отечественной доктрины обязательственного права и специальной литературы о невозможности исполнения обязательства дает основание констатировать слабую доктринальную разработку этой проблемы в российском гражданском праве. Ни одной монографии по этой теме не было издано. Последняя из двух диссертаций, полностью ей посвященных, была защищена 40 лет назад (Горбунов М. П. Невозможность исполнения обязательств (некоторые вопросы исполнения гражданско-правовых обязательств) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972). Наиболее глубокие специальные исследования по данной теме проводились еще в начале и середине XX в. в связи с Первой и Второй мировыми войнами, актуализировавшими проблемы невозможности и затруднительности исполнения обязательств.

Так, в начале XX в. некоторые отечественные цивилисты, вдохновленные детальным исследованием этого института за рубежом (особенно в Германии), обращались к изучению невозможности исполнения обязательства и смежных с ней правовых категорий. Особенно содержательными являются работы, написанные в тот период Д. М. Генкиным, Я. А. Канторовичем и Т. М. Яблочковым.

Несмотря на то, что невозможность исполнения обязательства не привлекла особого внимания советской науки гражданского права, определенную разработку эта тема получила в работах таких советских цивилистов, как М. М. Агарков, Д. М. Генкин, Л. А. Лунц и В. А. Ойгензихт. В 1951 и в 1972 гг. по проблеме невозможности исполнения обязательства были защищены (соответственно Ю. Э. Милитаревой и М. П. Горбуновым) две кандидатские диссертации, после чего практически 40 лет специальных исследований в этой области не проводилось.

В настоящее время можно наблюдать некоторое оживление интереса к рассматриваемому институту со стороны российских цивилистов. О невозможности исполнения обязательства как таковой пишут Ш. И. Будман и Е. А. Павлодский, А. М. Запорожец, Л. В. Кузнецова, А. А. Павлов, С. К. Соломин, Н. Г. Соломина, Р. М. Янковский и другие. Работы указанных авторов являются несомненным вкладом в изучение невозможности исполнения обязательства, однако, как

представляется, уже давно назрела потребность в ее специальном монографическом исследовании.

Иная ситуация сложилась в странах Европы, особенно в Германии, где институт невозможности исполнения стал системообразующим для обязательственного права. Особую роль в этом сыграл выполненный в духе пандектной школы права труд Фридриха Моммзена 1853 г. Основные идеи этого ученого при поддержке Бернхарда Виндшайда, авторитетнейшего немецкого пандектиста, главы первой комиссии по составлению Германского гражданского уложения (далее ГГУ), были воплощены в его первой редакции. Тем не менее, не всеми немецкими цивилистами они были поддержаны. Наиболее последовательная и обоснованная их критика была дана в работах Эрнста Рабеля, опубликованных через несколько лет после вступления ГГУ в силу.

Следует отметить, что с конца XIX в. изучение проблем, связанных с институтом невозможности исполнения обязательства, в европейской цивилистике не прекращалось. За последние десять лет оно пополнилось сочинениями Г. Даннемана, В. Лоренца, С. Лоренца, Э. Маккендрика, Б. С. Маркезиниса, Т. Рима, Д. Таллона, Г. Трейтела, А. Фехре, Р. Циммермана, П. Шлехтрима и др. Стимулом для проведения этих исследований стала разработка европейского единообразного договорного права, предусматривающего специфическое регулирование невозможности исполнения обязательства, а также реформа института невозможности исполнения в немецком гражданском праве, завершившаяся в 2001 г. Указанная реформа, в свое время обусловленная современными тенденциями регулирования этого института в *lex mercatoria*, сегодня вдохновляет законодателей других государств.

Поскольку невозможность исполнения обязательства всегда была вовлечена в круг наиболее актуальных проблем европейской цивилистики, необходимым условием исследования этого правового института явилось изучение зарубежной литературы по данной теме.

Цели и задачи диссертационного исследования. Целью диссертационного исследования является выявление сущности невозможности исполнения обязательства как гражданско-правовой категории, связанных с ней проблем в сфере правоприменения, а также разработка и обоснование рекомендаций по совершенствованию норм гражданского законодательства РФ, регулирующих соответствующие общественные отношения, и практики их применения.

Для достижения указанных целей были поставлены и выполнены следующие задачи:

1) выявление особенностей моделей института невозможности исполнения обязательства, т. е. существующих в разных правовых системах основных подходов к определению правовой природы и последствий такой невозможности;

2) определение правовой природы невозможности исполнения обязательства, ее места в системе гражданско-правовых институтов, а также ее роли в механизме правового регулирования обязательственных отношений;

3) определение понятия невозможности исполнения обязательства;

4) изучение видов невозможности исполнения обязательства и определение связываемых с ними правовых последствий;

5) отграничение невозможности исполнения обязательства от смежных правовых категорий;

6) формулировка новой редакции отдельных норм ГК, регулирующих общественные отношения, связанные с невозможностью исполнения обязательства.

Объект и предмет диссертационного исследования. Объектом исследования являются невозможность исполнения гражданско-правового обязательства, ее правовые последствия и соответствующие обязательственные отношения. В качестве предмета исследования выступают отечественная и зарубежная доктрина невозможности исполнения обязательства, гражданское законодательство РФ и СССР, основные континентальные и англо-саксонские правовые системы, нормы таких актов единообразного договорного права, как Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 г. и 2004 г. (*UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts*; далее Принципы УНИДРУА), Принципы европейского договорного права 2002 г. (*Principles of European Contract Law*; далее Принципы ЕДП), Модельные правила европейского частного права 2009 г. (*Draft Common Frame of Reference*; далее Модельные правила), регулирующие общественные отношения, которые складываются при невозможности исполнения обязательства, а также практика применения указанных норм.

Методологическая основа диссертационного исследования. В процессе диссертационного исследования использовались как общенаучные, так и специально-юридические методы.

К общенаучным методам, использованным при проведении исследования, относятся:

– диалектический метод – при изучении процесса формирования и дальнейшего развития института невозможности исполнения обязательства и смежных с ним правовых категорий, в частности экономической и практической невозможности (затруднительности) исполнения обязательства;

– методы анализа и синтеза – при классификации общих оснований прекращения обязательств по российскому гражданскому праву, а также при разграничении видов невозможности исполнения обязательства;

– методы дедукции и индукции – при определении понятия невозможности исполнения обязательства.

К специально-юридическим методам, использованным при проведении исследования, относятся:

– метод правового моделирования – при разграничении основных моделей невозможности исполнения обязательства, существующих в романо-германской и англо-саксонской правовых семьях, а также в единообразном праве;

– сравнительно-правовой метод – при выявлении особенностей романо-германской (пандектной); классической англо-саксонской, а также единообразной моделей невозможности исполнения обязательства;

– историко-правовой метод – при исследовании исторического развития отечественной и зарубежной доктрины невозможности исполнения обязательства, а также законодательства, регулирующего соответствующие общественные отношения;

– формально-юридический метод – при изучении советских, российских и зарубежных нормативно-правовых актов;

– метод системного анализа права – при исследовании классификаций общих оснований прекращения обязательств, а также видов невозможности исполнения обязательства и определении их правовых последствий;

– метод экономического анализа права – при разработке рекомендаций по совершенствованию правового регулирования общественных отношений, связанных с невозможностью исполнения обязательства, на основе оценки его экономической эффективности.

Теоретическую основу диссертационного исследования составила как отечественная, так и зарубежная литература. Автором были изучены труды пандектистов и представителей исторической школы права – Ю. Барона, Б. Виндшайда, Г. Дернбурга, Ф. Моммзена, Ф. К. фон Савиньи, современных немецких цивилистов, таких как Х. Кётц, С. Лоренц, Л. Мейер, Э. Рабель, Т. Рим, Х. Рослер, А. Фехре, Н. Хорн, К. Цвайгерт, Р. Циммерман, Я. Шапп, П. Шлехтрим, Ф. Шульц, П. Эртман, представителей иных систем континентального права (Ж. де ла Морандьер и др.) и англо-саксонской правовой семьи – В. Ансона, В. Букланда, С. Виттакера, Д. Григса, С. Грундмана, Д. Кука, Б. Николаса, В. Свадлинга, Д. Смита, М. А. Суджана, А. М. Теттенборна, Г. Трейтела, Д. Чешира, Р. Янгса, работы отечественных дореволюционных правоведов Л. Б. Дорна, Д. И. Мейера, С. А. Муромцева, К. П. Победоносцева, Г. Ф. Шершеневича, советских и российских цивилистов М. М. Агаркова, Н. Г. Александрова, С. С. Алексеева, С. А. Беляцкина, М. И. Брагинского, А. В. Венедиктова, В. В. Витрянского, И. Ф. Гавзе, Д. М. Генкина, М. П. Горбунова, В. И. Данилина, Д. В. Дождева, В. Б. Ельяшевича, О. С. Иоффе, Р. А. Камалитдиновой, П. Д. Каминской, Я. А. Канторовича, Е. С. Каплуновой, А. Г. Карапетова, С. Ф. Кечекьяна, О. А. Красавчикова, Н. И. Краснова, А. В. Кусикова, Л. А. Лунца, Р. П. Мананковой, Ю. Э. Милитаревой, С. В. Минца, И. Б. Новицкого, В. А. Ойгензихта, Ф. И. Осецкого,

А. А. Павлова, Е. А. Павлодского, М. Я. Пергамент, В. К. Райхера, Д. Рамзайцева, С. И. Реутова, В. В. Ровного, В. А. Рясенцева, С. В. Сарбаша, Г. А. Свердлыка, К. И. Скловского, С. К. Соломина, Н. Г. Соломиной, А. К. Стальгевича, В. С. Толстого, Ю. К. Толстого, Д. О. Тузова, Р. О. Халфиной, Б. Л. Хаскельберга, К. Е. Чистякова, А. М. Эрделевского, Т. М. Яблочкова, Л. С. Явича.

Нормативно-правовую основу диссертационного исследования составили нормы гражданского законодательства РФ, СССР, Германии, Австрии, Франции, Чехии, законодательства Англии, США, Индии, акты единообразного договорного права, такие как Принципы УНИДРУА, Принципы ЕДП и Модельные правила. В работе также использованы положения Концепции развития гражданского законодательства и проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили постановления и разъяснения Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ, опубликованная практика арбитражных судов и судов общей юрисдикции РФ, судебная практика зарубежных стран.

Научная новизна диссертационного исследования. Настоящая работа является первым в постсоветской отечественной цивилистике специальным исследованием института невозможности исполнения обязательства. На защиту выносятся следующие положения, характеризующие новизну диссертационного исследования.

1. Первоначальная невозможность исполнения обязательства, т. е. наступившая до его возникновения, сама по себе не должна, согласно российскому праву, влиять на действительность соответствующего договора. Тем не менее, с отдельными случаями первоначальной невозможности ГК связывает недействительность соответствующей сделки, а именно:

– первоначальная *юридическая* невозможность исполнения, выражающаяся в противоречии исполнения требованиям закона или иного правового акта, связана с ничтожностью или оспоримостью сделки (ст. 168 ГК);

– первоначальная *нравственная* невозможность исполнения в случае, если последнее противоречит основам нравственности, обуславливает ничтожность сделки (ст. 169 ГК);

– первоначальная *физическая* невозможность исполнения в зависимости от того, знали ли о ней стороны или одна из сторон, может дать основание для квалификации сделки как совершенной под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК) или обмана (ст. 179 ГК), т. е. оспоримой, либо как мнимой или притворной (ст. 170 ГК), т. е. ничтожной.

2. Прекращение обязательства совпадением кредитора и должника в одном лице, изданием органами государственной власти или местного самоуправления препятствующих исполнению обязательства правовых актов, смертью физического лица или ликвидацией юридического лица (ст. 413, 417, 418, 419 ГК) обусловлено невозможностью исполнения этого обязательства, которая в перечисленных случаях является единственным общим основанием прекращения обязательства независимо от воли его сторон.

3. Правовые последствия последующей невозможности исполнения обязательства, т. е. наступившей после его возникновения, обусловлены тем, является ли она постоянной (неустранимой) или временной (устранимой). В первом случае она влечет прекращение обязательства с момента ее наступления.

4. Правовые последствия временной невозможности исполнения зависят от того, является ли она определенной или неопределенной по продолжительности во времени. При неопределенной невозможности сторона, на которой лежит встречное исполнение, может приостановить исполнение своих обязанностей либо отказаться от их исполнения (ст. 328 ГК).

5. При определенной временной невозможности ее правовые последствия зависят от того, будет ли она устранена к наступлению срока исполнения. Если она устранима, то не влияет на судьбу обязательства (кредитор не вправе требовать от должника досрочного исполнения – ст. 315 ГК). Если же она устранима только после наступления срока исполнения, она *de lege ferenda* должна влечь автоматическое прекращение обязательства, но при условии, что иные последствия не определены соглашением сторон.

6. В случае неурегулированной ГК частичной невозможности исполнения обязательство прекращается лишь в соответствующей части. При этом отказ кредитора от принятия частичного исполнения в соответствии со ст. 311 ГК *de lege ferenda* должен влечь полное прекращение обязательства.

7. Категория *практической невозможности* исполнения, будучи в немецком и единообразном праве разновидностью невозможности исполнения и основанием для отказа должника от исполнения его обязанностей в одностороннем порядке (в немецком праве) или изменения или расторжения договора в судебном порядке (в *lex mercatoria*), в российском гражданском праве должна квалифицироваться в качестве *затруднительности* исполнения. Концепция практической невозможности, модифицированная в соответствии с реалиями российского гражданского оборота и права, должна найти отражение в ГК: существенное несоответствие усилий и расходов должника по исполнению обязательства интересу кредитора в его получении, уже существующее к моменту возникновения обязательства, следует закрепить в качестве самостоятельного основания для изменения или расторжения договора в судебном порядке (ст. 451.1 ГК).

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Выдвинутые и обоснованные в диссертации научные положения, а также нормативный и доктринальный материал, собранный в процессе изучения правового регулирования невозможности исполнения обязательства в странах романо-германской и англо-саксонской правовых семей и в единообразном праве, могут быть использованы для дальнейшей разработки отечественной цивилистикой проблем правового регулирования общественных отношений, связанных с невозможностью и затруднительностью исполнения обязательства, а также при преподавании как общего курса гражданского права, так и спецкурсов по обязательственному праву. Предложенная автором *de lege ferenda* редакция ст. 416 и ст. 451.1 ГК может представлять интерес для российского законодателя в процессе текущей реформы ГК.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена и обсуждена на кафедре гражданского права Юридического института Томского государственного университета. Ее основные научные положения были изложены в докладах на международных, всероссийских и межрегиональных научно-практических конференциях, проводившихся в Турине (Италия), Трондхейме (Норвегия), Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Томске и Кемерово в период с 2008 по 2013 г. По результатам проведенного исследования автором опубликовано 10 научных статей, в том числе три – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ («Вестник Томского государственного университета», «Вестник Томского государственного университета. Право»). Основные выводы диссертационного исследования были использованы автором при проведении практических занятий по дисциплине «Гражданское право. Общая часть» у студентов очной формы обучения Юридического института Томского государственного университета, а также при чтении лекций по гражданскому праву студентам экономического факультета и факультета психологии Томского государственного университета.

Структура работы определена целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, двадцати пяти параграфов, списка использованных источников и литературы и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, цели, задачи, объект и предмет исследования, характеризуется теоретическая, нормативно-правовая и методологическая основы диссертации, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования и апробация его результатов.

Глава 1 «Модели невозможности исполнения обязательства» состоит из пяти параграфов.

В **параграфе 1.1 «Вводные положения»** констатируется и обосновывается применительно к объекту исследования положение, согласно которому характер правового регулирования общественных отношений во многом зависит от сложившихся в обществе правовых традиций, а специфика любого института права обуславливается тем, в какой правовой семье и для каких целей он сформировался. Этим аргументируется необходимость выделения основных моделей невозможности исполнения обязательства, под которыми понимаются совокупности принципов, подходов, особенностей правового регулирования соответствующих общественных отношений, характерные для стран, входящих в ту или иную правовую семью, и для единообразного права, а не регулирование этих отношений в той или иной конкретной стране. В соответствии с этим выделяются три основные модели невозможности исполнения обязательства: романо-германская (пандектная), классическая англо-саксонская и единообразная.

В **параграфе 1.2 «Романо-германская (пандектная) модель невозможности исполнения обязательства»** исследуется модель, разработанная в 1853 г. немецким пандектистом Фридрихом Моммзеном и реализованная в первой редакции ГГУ. Отмечается, что, несмотря на специфическое регулирование отношений, связанных с невозможностью исполнения, в гражданском законодательстве некоторых европейских стран (в частности Франции), именно пандектная модель этого института оказалась наиболее авторитетной в Европе в XIX и XX вв. Она характеризуется следующими чертами:

1) гибель индивидуально-определенной вещи рассматривается в качестве лишь одной из ситуаций невозможности исполнения обязательства;

2) первоначальная объективная невозможность исполнения (т. е. невозможность исполнения обязательства для всех и каждого, наступившая до возникновения обязательства) влечет ничтожность соответствующего договора;

3) первоначальная субъективная (т. е. наступившая для конкретного должника до возникновения обязательства) и последующая (т. е. наступившая после возникновения обязательства) невозможность исполнения на действительность соответствующего договора не влияют;

4) при последующей невозможности исполнения стороны освобождаются от исполнения возложенных на них договором обязанностей, что толкуется в немецкой цивилистике как прекращение обязательства.

В **параграфе 1.3 «Англо-саксонская модель невозможности исполнения обязательства»** изучается модель невозможности исполнения, сформировавшаяся в средневековом английском праве и существовавшая до середины XIX в. Согласно этой модели, правовые последствия связываются не с невозможностью исполнения,

первоначальной или последующей, которая, соответственно, в качестве юридического факта не рассматривается, а с вызванным ею неисполнением обязательства, в связи с чем ни факт невозможности исполнения, ни момент ее наступления не имеют правового значения. В работе подчеркивается, что классическая англо-саксонская модель невозможности исполнения обязательства изначально имела специфический характер, но со временем претерпела кардинальные изменения. В частности, были разработаны доктрины тщетности (Англия) и нецелесообразности (США) договора, применяемые при последующей невозможности и затруднительности исполнения обязательства, а также при тщетности цели договора, и доктрина ошибки, к которой прибегают в случае, если уже на момент заключения договора его исполнение было невозможно. В результате современная англо-саксонская концепция невозможности исполнения значительно сблизилась с пандектной моделью. Так, согласно как первому, так и второму подходу, первоначальная невозможность исполнения влечет недействительность соответствующего договора (согласно пандектной модели – ничтожность, в соответствии с действующей англо-саксонской концепцией – оспоримость) и реституцию (как возврат неосновательно полученного); при последующей же невозможности в соответствии с обоими подходами обязательство прекращается, а стороны освобождаются от обязанностей по исполнению договора.

В параграфе 1.4 «Единообразная модель невозможности исполнения обязательства» исследуется подход к регулированию проблемы невозможности исполнения, реализованный в наиболее важных актах *lex mercatoria* – Принципах УНИДРУА, Принципах ЕДП и Модельных правилах. Указанные акты закрепляют, что сам по себе факт невозможности исполнения обязательства, а также факт неуправомоченности должника распоряжаться имуществом – предметом договора – на момент заключения последнего не влияют на его действительность. В данных случаях применяются, в зависимости от обстоятельств дела, нормы о неисполнении обязательства или нормы об ошибке при заключении договора. Анализ норм указанных актов показывает, что в целом ряде случаев первоначальная невозможность исполнения связывается единообразным правом с теми же правовыми последствиями, которые предусматриваются современной англо-саксонской концепцией этого института, – с недействительностью (в форме оспоримости) соответствующей сделки и реституцией (в значении возврата неосновательного обогащения). Последующую же невозможность исполнения единообразное право связывает с прекращением обязательства в момент уведомления контрагента о невозможности его исполнения.

В параграфе 1.5 «Модель невозможности исполнения обязательства в ГК РФ» предпринимается попытка определить модель невозможности исполнения, реализованную в действующем ГК. Делается вывод, согласно которому нельзя

утверждать, что в действующем гражданском законодательстве РФ последовательно реализована та или иная модель невозможности исполнения обязательства. В связи с этим в большинстве случаев затруднительно однозначно определить, какие последствия вызываются разными видами невозможности исполнения.

Глава 2 «Первоначальная и последующая невозможность исполнения обязательства» состоит из четырех параграфов и посвящена исследованию соответствующей классификации видов невозможности исполнения обязательства.

В **параграфе 2.1 «Вводные положения»** выявляется критерий построения рассматриваемой классификации – момент возникновения невозможности исполнения: если она существовала уже на момент возникновения обязательства, ее называют первоначальной, а если появилась впоследствии – последующей.

В **параграфе 2.2 «Первоначальная и последующая невозможность исполнения обязательства: пандектная модель, действующее ГГУ и ФГК»** отмечается, что если в первой редакции ГГУ было закреплено правило о ничтожности договора, исполнение которого невозможно на момент его заключения (§ 306 ГГУ), то действующая редакция (2001 г.) от этого правила отказалась: согласно п. 1 § 311 (а) ГГУ, освобождение должника от обязанности реального исполнения договора в связи с фактической, практической и нравственной невозможностью его исполнения, существовавшей на момент его заключения (п. 1-3 § 275 ГГУ), не означает ничтожности договора. Анализируются причины и последствия такой реформы рассматриваемого института. Отмечается, что в новой редакции ГГУ, в отличие от его первой редакции, правовые последствия последующей невозможности исполнения не ставятся в зависимость от того, отвечает ли одна из сторон обязательства за возникновение обстоятельства, ее повлекшего. В заключение рассматриваются особенности регулирования первоначальной и последующей невозможности исполнения обязательства по Французскому гражданскому кодексу, который, не упоминая о невозможности исполнения обязательства как таковой, определяет ее правовые последствия на примере гибели, утраты или изъятия из гражданского оборота предмета договора.

В **параграфе 2.3 «Первоначальная и последующая невозможность исполнения обязательства: англо-саксонская и единообразная модели»** отмечается, что на формирование единообразной модели невозможности исполнения большое влияние оказало англо-саксонское право. Выявляются достоинства этой модели, а также следующее присущее ей противоречие: с одной стороны, в соответствии с единообразной моделью первоначальная невозможность сама по себе не влечет недействительность сделки, с другой же – она связывается с такими последствиями, если сопряжена с каким-либо основанием признания сделки недействительной (в частности, с заключением договора под влиянием ошибки или заключением договора, нарушающего императивные нормы национального,

международного или наднационального характера). Анализируются пути решения этого противоречия.

Параграф 2.4 «Первоначальная и последующая невозможность исполнения обязательства в российском гражданском праве» разделен на два подпараграфа, в каждом из которых рассматриваются проблемы определения правовых последствий, соответственно, первоначальной (подпараграф 2.4.1.) и последующей (подпараграф 2.4.2.) невозможности исполнения обязательства в российском гражданском праве.

В подпараграфе 2.4.1 «Первоначальная невозможность исполнения обязательства» констатируется, что однозначно определить правовые последствия первоначальной невозможности исполнения обязательства по ГК РФ затруднительно. Излагаются основные точки зрения, представленные в российской цивилистике по этому вопросу. Несмотря на то, что, по мнению автора, ни одна из современных моделей не решает проблему определения правовых последствий первоначальной невозможности исполнения обязательства безусловно, единообразная модель в этой части представляется наиболее удачной: при первоначальной невозможности исполнения, несмотря на действительность изначально неисполнимого договора, обязательство не возникает, так как не может существовать права требовать совершения невозможного и корреспондирующей ему обязанности.

Для того чтобы устранить неопределенность правовых последствий первоначальной невозможности исполнения обязательства, предлагается сформулировать п. 1 ст. 416 ГК по единообразной модели: «Первоначальная невозможность исполнения обязательства, в том числе неуправомоченность должника распоряжаться имуществом – предметом договора – на момент его заключения, сама по себе не влияет на действительность договора».

Отмечается, что первоначальная невозможность исполнения обязательства может быть сопряжена с недействительностью соответствующего договора, если она совпадает с предусмотренными гражданским законодательством основаниями недействительности сделки. В этом случае подлежит применению не ст. 416 ГК, а специальная норма, закрепляющая то или иное основание недействительности сделки.

Так, если договор предполагает исполнение, само по себе нарушающее закон или иной правовой акт, действующие уже на момент заключения договора, последний, согласно п. 1 ст. 168 ГК, будет считаться оспоримым, т. е. действительным до момента признания его судом недействительным в результате его оспаривания. Если же договор на момент его заключения предполагает исполнение, не просто нарушающее закон или иной правовой акт, но при этом посягающее на публичные интересы либо права или охраняемые законом интересы третьих лиц, такой договор, по общему правилу, ничтожен (п. 2 ст. 168 ГК). Противоречие действий по

исполнению обязательства закону или иному правовому акту на момент заключения договора представляет собой *первоначальную юридическую* невозможность исполнения.

Если имеет место *первоначальная нравственная* невозможность исполнения, то есть ситуация, когда договор предполагает исполнение, цель которого была заведомо противна основам нравственности, договор ничтожен (п. 1 ст. 169 ГК).

Если индивидуально-определенная вещь, являющаяся предметом договора, погибла до его заключения, о чем ни одна из сторон не знала, следует констатировать наличие заблуждения, и договор может быть оспорен на основании ст. 178 ГК. Представляется, что ошибка сторон договора относительно возможности его исполнения может быть квалифицирована как существенное заблуждение, которое в соответствии с новой редакцией п. 2 ст. 178 ГК имеет место, в том числе когда «сторона заблуждается в отношении обстоятельства, ... из наличия которого она с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку». Если о таком обстоятельстве знала лишь одна из сторон, есть основания квалифицировать договор как совершенный под влиянием обмана (п. 2 ст. 179 ГК). В обоих этих случаях *первоначальной физической невозможности* исполнения обязательства договор является оспоримым. Если же обе стороны на момент заключения договора знали о гибели индивидуально-определенной вещи, являющейся его предметом, такой договор можно квалифицировать как мнимую или притворную сделку, которая ничтожна (ст. 170 ГК). Аналогичные правовые последствия связаны с заключением договора, предполагающего действия, которые ни при каких обстоятельствах в реальном мире совершены быть не могут (например, передача в собственность покупателя дракона или вечного двигателя и т. п.).

В подпараграфе 2.4.2 «Последующая невозможность исполнения обязательства» дается положительная оценка предложению, изложенному в проекте Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которому в норме ст. 416 ГК, посвященной последующей невозможности исполнения обязательства, должна быть прямо указана сфера ее действия. Это исключит встречающиеся на практике ошибки толкования указанной нормы, влекущие ее применение к случаям первоначальной невозможности исполнения. Диссертант разделяет высказанную в юридической литературе точку зрения о том, что, вопреки распространенному в доктрине взгляду и формулировке действующего п. 1 ст. 416 ГК, правовые последствия последующей невозможности исполнения обязательства не зависят от того, несет ли одна из сторон ответственность за возникновение обстоятельств, ее повлекших. Какими бы обстоятельствами ни была вызвана последующая невозможность исполнения, ее правовым последствием является

прекращение первоначального обязательства. Привлечение же должника к гражданско-правовой ответственности осуществляется при наличии всех предусмотренных гражданским законодательством условий в рамках нового – охранительного – обязательства, возникающего в связи с неисполнением первоначального (регулятивного) обязательства, за которое должник отвечает.

Глава 3 «Невозможность исполнения обязательства в системе юридических фактов» состоит из пяти параграфов.

В **параграфе 3.1 «Вводные положения»** указывается на немногочисленность определений понятия невозможности исполнения обязательства в отечественной цивилистике и на несостоятельность большинства из них. Это объясняется, во-первых, сложившейся традицией изучения данного правового института, при которой все внимание уделяется исследованию классификаций видов невозможности исполнения и их правовых последствий, а не определению невозможности исполнения как таковой. Во-вторых, это обусловлено спецификой самого понятия. Автор отмечает, что «невозможность исполнения обязательства» относится к категории терминов, не требующих определения. Это значит, что данный термин уже самой своей формулировкой исчерпывающе выражает обозначаемое им понятие и что ни одно из возможных определений последнего не может раскрыть его суть лучше. Тем не менее, для нужд цивилистической доктрины и учебной дисциплины гражданского права предлагается это определение дать.

В **параграфе 3.2 «Невозможность исполнения и требование реального исполнения обязательства»** анализируются основные подходы к проблеме определения невозможности исполнения. Излагается точка зрения Я. А. Канторовича, отрицавшего саму возможность сформулировать такое определение. Приводится наиболее распространенное в отечественной цивилистике определение невозможности исполнения как «недопустимости в силу тех или иных достаточных оснований требовать от должника реального исполнения», предложенное М. М. Агарковым. Анализируется критика этого определения, высказанная в диссертации М. П. Горбунова. Автор частично разделяет аргументы М. П. Горбунова, но при этом не соглашается с разработанным им определением невозможности исполнения обязательства «как временного или постоянного состояния неспособности должника совершить в части или в целом предусмотренное обязательством действие вследствие отсутствия необходимого для этого условия – юридической недозволенности или препятствий фактического порядка». Автор подчеркивает, что для формулирования определения невозможности исполнения обязательства необходимо выявить ее правовую природу.

В **параграфе 3.3 «Невозможность исполнения обязательства как правопрекращающий юридический факт»** исследуемое явление рассматривается в системе общих оснований прекращения обязательств по гражданскому

законодательству РФ. Отмечается, что прекращение обязательства совпадением кредитора и должника в одном лице, изданием акта государственного органа или органа местного самоуправления, смертью физического лица или ликвидацией юридического лица (ст. 413, 417, 418, 419 ГК) обусловлено невозможностью исполнения обязательства, которая в перечисленных случаях является единственным общим основанием прекращения обязательства независимо от воли его сторон.

В параграфе 3.4 «Невозможность исполнения обязательства как правопрепятствующий и правообразующий юридический факт» устанавливается, что невозможность исполнения препятствует исполнению обязательства как самостоятельному юридическому факту и поэтому выполняет правопрепятствующую функцию. Отмечается, что в ряде случаев невозможность исполнения обязательства в качестве элемента юридического состава, влекущего возникновение прав и обязанностей, выполняет и правообразующую функцию.

В параграфе 3.5 «Невозможность исполнения обязательства как юридическое событие и как юридический факт-состояние» автор заключает, что невозможность исполнения обязательства может быть квалифицирована как юридическое событие и правовое состояние. Автор отмечает, что если следовать буквальному толкованию действующего п. 1 ст. 416 ГК, то можно прийти к выводу, что невозможность исполнения влечет соответствующие правовые последствия будучи элементом юридического состава наряду с вызвавшим ее обстоятельством. Однако буквальное толкование этой нормы представляется неверным. Обосновывается, что невозможность исполнения является самостоятельным юридическим фактом, влекущим прекращение регулятивного обязательства. Предлагается определять невозможность исполнения обязательства как *правовое состояние, выражающееся в непреодолимости препятствия к совершению (или воздержанию от совершения) должником действия, предусмотренного обязательством.*

В главе 4 «Отдельные виды невозможности исполнения обязательства», состоящей из 8 параграфов, рассматриваются классификации невозможности исполнения и связанные с тем или иным ее видом правовые последствия.

В параграфе 4.1 «Вводные положения» излагаются правила логического построения классификаций.

В параграфе 4.2 «Физическая и юридическая невозможность исполнения обязательства» автор соглашается с распространенным в доктрине и судебной практике мнением, согласно которому, вопреки формулировке действующего п. 1 ст. 417 ГК, юридическая невозможность исполнения может быть обусловлена изданием нормативного или ненормативного акта не только органа государственной власти, но и органа местного самоуправления. Отмечается, что ст. 417 ГК в одной части излишня, поскольку дублирует нормы ст. 13 и ст. 16 ГК, в другой же

закрепляет нормы, с помощью которых определяются правовые последствия *частичной* невозможности исполнения, а также последствия признания недействительным акта государственного органа, на основании которого обязательство прекратилось юридической невозможностью его исполнения. Предлагается последние нормы имплементировать в ст. 416 ГК, а ст. 417 ГК – устранить за ненадобностью. Для реализации этого предложения ст. 416 ГК следует дополнить нормой следующего содержания: «Обязательство, прекратившееся вследствие издания акта органа государственной власти или местного самоуправления, не считается прекращенным в случае признания указанного акта недействительным либо его отмены в установленном порядке, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа обязательства либо если кредитор в разумный срок не отказался от исполнения обязательства». Автор не разделяет высказанное в цивилистической литературе предложение рассматривать гибель индивидуально-определенного предмета обязательства в качестве самостоятельного основания его прекращения, отличного от невозможности исполнения обязательства.

В параграфе 4.3 «Нравственная невозможность исполнения обязательства» отмечается, что соответствующий термин обычно используется для обозначения ситуации, при которой исполнение противоречит основам нравственности. Исходя из того, что последние представляют собой устои общества, находящиеся под защитой права, автор отрицает самостоятельность категории «нравственная невозможность исполнения обязательства», рассматривая ее как разновидность юридической невозможности исполнения. Предлагается квалифицировать случаи так называемой первоначальной «нравственной» невозможности по ст. 169 ГК, а случаи последующей «нравственной» невозможности (хотя и крайне редкие) – по нормам ГК о последующей невозможности исполнения. Отмечается, что если содержание обязательства противоречит не основам нравственности, а лишь принципу добросовестности, то должны быть применены ст. 451 ГК или ст. 782 ГК. Отрицается необходимость рецепции гражданским законодательством РФ специальной нормы, закрепленной в немецком законодательстве и *lex mercatoria*, позволяющей должнику в одностороннем порядке отказаться от исполнения обязательства личного характера, которого нельзя разумно требовать, учитывая интерес кредитора в получении этого исполнения и возникшие препятствия к его осуществлению.

В параграфе 4.4 «Логическая невозможность исполнения обязательства» предлагается под этим видом невозможности понимать совпадение кредитора и должника в одном лице. Чтобы сделать систему норм о невозможности исполнения обязательства более логичной, рекомендуется изменить расположение в ГК норм, регулирующих разные виды невозможности исполнения обязательства. Для этого

норму о совпадении кредитора и должника в одном лице предлагается поместить после статей, посвященных прекращению обязательства смертью физического лица и ликвидацией юридического лица. Таким образом совпадение кредитора и должника в одном лице займет свое место в системе гражданско-правовых норм как самостоятельный вид невозможности исполнения обязательства.

В параграфе 4.5 «Объективная и субъективная невозможность исполнения обязательства» критикуется подход, принятый в рамках пандектной модели, согласно которому эти виды первоначальной невозможности исполнения связываются с разными правовыми последствиями. Отмечается, что, в отличие от первой редакции ГГУ, действующая его редакция прямо предусматривает, что субъективная и объективная невозможность исполнения влекут одинаковые правовые последствия (п. 1 § 275 ГГУ). Автор настаивает на необходимости разграничения субъективной невозможности и затруднительности исполнения обязательства и указывает, что последствия субъективной невозможности исполнения, при которой должник не может прибегнуть к помощи других участников гражданского оборота в целях исполнения обязательства, и последствия объективной невозможности исполнения должны быть идентичны.

В параграфе 4.6 «Постоянная и временная невозможность исполнения обязательства» подвергаются критике существующие в отечественной цивилистике критерии разграничения указанных видов невозможности исполнения. Предлагаются две самостоятельные классификации. Согласно первой, невозможность исполнения может быть постоянной (неустранимой) и временной (устранимой). Согласно второй, невозможность исполнения может быть определенной или неопределенной по продолжительности во времени. Если невозможность исполнения является постоянной, то она влечет прекращение обязательства с момента ее наступления. Правовые последствия временной невозможности исполнения зависят от того, является ли она определенной или неопределенной по продолжительности во времени, а также от того, будет ли она устранена к моменту наступления срока исполнения обязательства. Если временная невозможность исполнения является неопределенной по продолжительности во времени, то применен должен быть п. 2 ст. 328 ГК, согласно которому сторона, на которой лежит встречное исполнение, может приостановить исполнение своего обязательства либо отказаться от его исполнения, поскольку в рассматриваемом случае будут иметь место обстоятельства, «очевидно свидетельствующие» кредитору о том, что исполнение другой стороны не будет предоставлено в установленный срок. Если временная невозможность исполнения является определенной по продолжительности во времени и устранимой к моменту наступления срока исполнения обязательства, то она на обязательство не повлияет в связи с тем, что по общему правилу, закрепленному в ст. 315 ГК, кредитор не вправе

требовать от должника досрочного исполнения. Если же временная невозможность исполнения является определенной по продолжительности во времени и устранимой только после наступления срока исполнения обязательства, она *de lege ferenda* должна влечь автоматическое прекращение обязательства, однако при условии, что иные последствия не определены соглашением сторон. Для реализации этого предложения предлагается дополнить ст. 416 ГК нормой следующего содержания: «Невозможность исполнения, наступившая после возникновения обязательства и существующая на момент наступления срока его исполнения в течение заранее известного периода времени, влечет прекращение обязательства, если иное не предусмотрено соглашением сторон».

В параграфе 4.7 «Частичная и полная невозможность исполнения обязательства» под частичной невозможностью исполнения предлагается понимать правовое состояние непреодолимости препятствия к совершению должником действий по исполнению обязательства в определенной части. Указывается, что частичная невозможность исполнения обязательства не может наступить, если предметом обязательства является индивидуально-определенная неделимая вещь. Отмечается нерешенность вопроса о последствиях частичной невозможности исполнения при реализации кредитором своего права на отказ от принятия частичного исполнения в соответствии со ст. 311 ГК. Для устранения имеющегося пробела предлагается закрепить п. 2 ст. 416 ГК в следующей редакции: «Наступившая после возникновения обязательства невозможность его исполнения освобождает должника от реального исполнения и, если иное не установлено законом или договором применительно к отдельным видам невозможности исполнения, является основанием прекращения обязательства полностью или в соответствующей части. Отказ кредитора от принятия оставшегося возможным частичного исполнения на основании статьи 311 настоящего Кодекса влечет прекращение обязательства».

В параграфе 4.8 «Абсолютная и относительная, виновная и случайная невозможность исполнения обязательства» автор признает разграничение абсолютной и относительной невозможности исполнения обязательства нецелесообразным, поскольку эта классификация не имеет самостоятельного характера. Кроме того, отмечается некорректность классификации невозможности исполнения на виновную и случайную. Указывается, что правовые последствия невозможности исполнения не связаны с тем, отвечает ли одна из сторон обязательства за наступление обстоятельства, повлекшего невозможность исполнения. В связи с этим данная классификация имеет значение для определения правовых последствий не невозможности исполнения, а обусловленного ею неисполнения обязательства, что непосредственно не относится к предмету

проводимого исследования. Предлагается изложить ст. 416 ГК в следующей редакции:

«Статья 416. Невозможность исполнения обязательства

1. Первоначальная невозможность исполнения обязательства, в том числе неуправомоченность должника распоряжаться имуществом – предметом договора – на момент его заключения, сама по себе не влияет на действительность договора.

2. Наступившая после возникновения обязательства невозможность его исполнения освобождает должника от реального исполнения и, если иное не установлено законом или договором применительно к отдельным видам невозможности исполнения, является основанием прекращения обязательства полностью или в соответствующей части. Отказ кредитора от принятия оставшегося возможным частичного исполнения на основании статьи 311 настоящего Кодекса влечет прекращение обязательства.

3. Невозможность исполнения, наступившая после возникновения обязательства и существующая на момент наступления срока его исполнения в течение заранее известного периода времени, влечет прекращение обязательства, если иное не предусмотрено соглашением сторон.

4. Обязательство, прекратившееся вследствие издания акта органа государственной власти или местного самоуправления, не считается прекращенным в случае признания указанного акта недействительным либо его отмены в установленном порядке, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа обязательства либо если кредитор в разумный срок не отказался от исполнения обязательства». Принятие ст. 416 ГК РФ в предлагаемой редакции обуславливает исключение ст. 417 ГК.

Глава 5 «Экономическая и практическая невозможность исполнения обязательства как смежные с невозможностью исполнения категории» состоит из трех параграфов.

В **параграфе 5.1. «Вводные положения»** проводится разграничение институтов невозможности и затруднительности (*экономической невозможности*) исполнения обязательства: в первом случае обязательство не может быть исполнено должником, какие бы усилия он ни прилагал; во втором – остается возможным, однако является затруднительным, в том числе когда оно сопряжено с нарушением изначально предусмотренного договором соотношения имущественных интересов сторон в связи с изменением обстоятельств, при которых он был заключен.

В **параграфе 5.2. «Экономическая невозможность исполнения обязательства»** излагается история становления данного института в российском и немецком праве.

В **параграфе 5.3. «Практическая невозможность исполнения обязательства»** изучается соответствующая категория немецкого и единообразного договорного права, означающая существенное несоответствие затрат и усилий со

стороны должника по исполнению обязательства интересу кредитора в его получении. Разъясняется, что эта категория рассматривается в немецком гражданском праве и *lex mercatoria* в качестве самостоятельного вида невозможности исполнения обязательства и является основанием для одностороннего отказа должника от исполнения (в Германии) и для изменения или расторжения договора в судебном порядке (в единообразном праве). Диссертант считает, что применительно к российскому гражданскому праву практическая невозможность исполнения должна рассматриваться как вид затруднительности, в связи с чем буквальная рецепция соответствующей нормы немецкого или единообразного обязательственного права, регулирующей практическую невозможность исполнения, может привести к ее конфликту со ст. 451 ГК. Тем не менее, высказывается мнение о том, что если рассматривать практическую невозможность исполнения в качестве разновидности затруднительности исполнения, возникшей до момента заключения договора и влекущей нецелесообразность его исполнения, а потому являющейся основанием для изменения или расторжения договора в судебном порядке, то указанная концепция могла бы быть полезна для российского гражданского оборота и права. Предлагается ввести в ГК ст. 451.1 следующего содержания:

«Статья 451.1. Изменение и расторжение договора в связи с нецелесообразностью исполнения

Договор может быть расторгнут или изменен судом по требованию заинтересованной стороны, если уже к моменту заключения договора его реальное исполнение требовало усилий и расходов, существенно не соответствующих интересу другой стороны в его получении».

В **Приложении** приводятся четыре таблицы, наглядно отражающие некоторые результаты проведенного исследования.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в журналах, включенных в перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. Мухачева Е. С. Первоначальная невозможность исполнения обязательств в контексте реформ ГК РФ и Германского гражданского уложения / Е. С. Мухачева // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 3 (9). – С. 94–100. – 0,5 п.л.

2. Мухачева Е. С. Некоторые вопросы первоначальной невозможности исполнения обязательств в единообразном праве / Е. С. Мухачева // Вестник

Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 1 (7). – С. 108–113. – 0,5 п.л.

3. Мухачева Е. С. Соотношение экономической и практической невозможности исполнения обязательств / Е. С. Мухачева // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 365. – С. 108–111. – 0,5 п.л.

Публикации в других научных изданиях:

4. Мухачева Е. С. К вопросу о первоначальной невозможности исполнения обязательства / Е. С. Мухачева // Российское правоведение : трибуна молодого ученого : сборник статей / отв. ред. В.А. Уткин. – Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. – Вып. 10. – С. 94–95. – 0,1 п.л.

5. Мухачева Е. С. Правовые последствия невозможности исполнения альтернативного обязательства / Е. С. Мухачева // Традиции и новации современного российского права : международная межвузовская научно-практическая конференция молодых ученых : сборник материалов. – М. : Изд-во Моск. гос. юрид. акад., 2010. – С. 226–228. – 0,1 п.л.

6. Мухачева Е. С. Многофункциональность невозможности исполнения обязательства / Е. С. Мухачева // Российское правоведение : трибуна молодого ученого : сборник статей / отв. ред. В.А. Уткин ; Том. гос. ун-т. – Томск, 2009. – Вып. 9. – С. 90–92. – 0,1 п.л.

7. Мухачева Е. С. Постоянная и временная невозможность исполнения обязательства: критерии разграничения / Е. С. Мухачева // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей / ред. Б.Л. Хаскельберг, В.М. Лебедев, Г.Л. Осокина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – Ч. 42. – С. 90–92. – 0,1 п.л.

8. Мухачева Е. С. Физическая, юридическая и логическая невозможность исполнения обязательства / Е. С. Мухачева // Право третьего тысячелетия : материалы I Международной заочной научно-практической конференции студентов и аспирантов 17 апреля 2009 г. – Ставрополь : Изд-во СКСИ, 2009. – С. 252–253. – 0,3 п.л.

9. Мухачева Е. С. Постоянная и временная невозможность исполнения обязательства: критерии разграничения и правовые последствия / Е. С. Мухачева // Правовое образование. Гражданское общество. Справедливое государство : III (X) Международная научная конференция студентов и молодых ученых : сборник статей. – Кемерово : Изд-во Кемер. гос. ун-та, 2009. – С. 76–79. – 0,1 п.л.

10. Мухачева Е. С. Частичная и полная невозможность исполнения обязательства: проблемы правового регулирования / Е. С. Мухачева // Российское правоведение : трибуна молодого ученого : сборник статей / отв. ред. В.А. Уткин. – Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. – Вып. 8. – С. 60–61. – 0,1 п.л.

Подписано в печать 12.11.2013 г.
Формат А4/2. Ризография
Печ. л. 1,45. Тираж 100 экз. Заказ № 7/11-13
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а